

также данные нумизматики. Согласно работе П. Радомерского,¹⁹ Бржетислав I, вновь присоединивший Моравию к державе Пржемысловцев, чеканил динарии с именем св. Климента и с якорем, который можно считать символом этого святого. Нет ни малейшего сомнения, что эта популярность папы Климента была обусловлена оживлением кирилло-мефодиевской традиции. Бржетислав вообще стремился опереться на традиции времен епископства Войтеха, чтобы добыть его мощи, он предпринял военный поход на Гнезно, поддерживал начинания игумена Прокопа Сазавского, богато одарил земель его славянский монастырь. Климент был святым, весьма удобным для сторонников славянской литературы. Распространяя его культ, они подтверждали тем самым свою лояльность к Риму: ведь Климент — римский папа конца I—начала II в.; втайне же культ этот хранил в себе воспоминания о том творце славянской культуры, который перенес из Херсонеса в Рим мощи Климента. Климент был, я бы сказал, римской криптограммой византийского Константина.

Таким образом, для времени Войтеха и Бржетислава I культ св. Климента — несомненный исторический факт. В период же между деятельностью Мефодия в Моравии и избранием Войтеха на Пражскую кафедру письменные источники о нем молчат. Для этого темного столетия мы можем использовать только археологические данные. В Левом Градце еще в XVIII в. стояла ротонда св. Климента, как мы узнаем это от Пешины: «Castelli huius rudera hodieque spectantur, in quorum medio templum s. Clementis stat adhuc integrum more veteri in forma rotunda extructum».²⁰ Это указание подтверждено и раскопками. Но вопрос в том, к какому времени относится Легоградецкая ротонда. В истории изобразительного искусства мало проблем такой исключительной трудности, как датировка и характеристика чешских ротонд. Тут было выдвинуто много теорий, создалось несколько научных школ, но, насколько я могу судить, вопрос и сейчас неясен. Я полагаю, что не искажаю действительного положения, констатируя, что в большинстве случаев Легоградецкая ротонда считается результатом позднейшей перестройки. В последнее время в этом смысле высказался, например, Ф. Дворник.²¹ Мнения, что ротонды строились уже в IX в. и что конкретно Легоградецкая ротонда есть древнейшая постройка, а не результат перестройки, придерживались главным образом Бирнбаум и Рихтер.²² Археологические открытия в южной Моравии и в Чехии, например в Либице, не подтверждают, по видимому, мнения об особой древности чешских ротонд, о том, что их возникновение восходит к IX в.²³ Очевидно, дискуссия о ротондах затянется; пока же было бы слишком смело желать проблематическую Боржиевскую легенду подкрепить Легоградецкой ротондой спорного возраста. Поскольку же начинают высказываться предположения, что в Левом Градце была перестроенная церквушка, более древняя, чем упоминаемая Пешинной ротонда, то вступают в силу скептические слова Рихтера: «Возможность происхождения от Великоморавской эпохи приписывается якобы перестроенным культовым зданиям св. Климента» и т. д.

¹⁹ Pav. Radoměrský. Koruna králů moravských. — Sborník Národního musea v Praze, řada A-Historie, t. XII. Praha, 1958, № 4—5, в особенности глава V — О почтении св. Климента и динариях Вшебора (стр. 217—221).

²⁰ Pešina. Phosphorus septicornis. Praha, 1673, стр. 120.

²¹ Fr. Dvořník. The Slaves. Their Early History and Civilization. Boston, 1956, стр. 151 и сл.

²² Časopis Matice moravské, 65. Vро, 1943, стр. 34 и сл.

²³ Положение несколько изменилось в результате открытия круглой церкви при раскопках в Микульчицах (южная Моравия). Это открытие до сих пор не опубликовано и не оценено специалистами.